

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Завершая обсуждение комплекса проблем, связанных с независимостью прессы в России, я хотел бы подвести некоторые итоги. Мы, конечно, часто отклонялись от тематики нашей конференции, уходя в поиск технологий, использование которых позволит выжить тем или иным конкретным изданиям, программам, телевещателям, которые считают себя независимыми. Полагаю, что в сегодняшних условиях "наката" на прессу огромного количества проблем это естественно и неизбежно. "Довлеет дневи злоба его". Не менее естественно и то, что никакой всеобщей технологии выживания и сохранения независимости мы здесь не нашли. И не найдем. И никто не найдет. Потому что выживание несовместимо с независимостью.

И все-таки мы не зря потратили время. Было высказано множество ценных мыслей и положений, которые мы, организаторы конференции, доведем до сведения журналистского сообщества и всех, кто заинтересован в существовании в России независимой прессы.

Не беря на себя задачу обобщить по горячим следам весь комплекс высказанных на конференции идей, хотел бы в своем заключительном слове обратить внимание на некоторые оставшиеся в тени аспекты обсуждавшейся нами проблематики.

1. В процессе обсуждения мы пришли к выводу, что сама категория "независимость" применительно к прессе имеет несколько смыслов.

Во-первых, это понятийно-объяснительная схема, с помощью которой мы пытаемся описать, понять, объяснить некие процессы, происходящие в прессе. Во-вторых, это своего рода проект, реализуя который, мы пытаемся сконструировать, выстроить особым образом функционирующую систему российской прессы.

И как объяснительная схема, и как проект категория "независимость" имеет, по крайней мере, три измерения. Прежде всего это измерение социальное, то есть экономическое, политическое, юридическое и т.п., о чем мы больше всего здесь говорили. Затем нравственно-психологическое измерение, о котором здесь тоже шла речь. И, наконец, технологическое измерение, предполагающее существование особых профессиональных технологий, применение которых обеспечивает независимость или использование которых возможно только в условиях независимости СМИ.

Очевидно, что все эти три измерения тесно связаны друг с другом, и состояние одного влияет на состояние двух других. Иначе говоря, невозможно быть независимым нравственно, будучи зависимым социально, неумение пользоваться современными информационными и прочими технологиями делает журналиста зависимым не в меньшей степени, чем невозможность заплатить за бумагу. Следовательно, дальнейшая разработка категории "независимость" и как объяснительной схемы, и как проекта должна вестись с учетом взаимосвязи этих трех измерений.

Есть еще один – третий – смысл категории "независимость". Независимость – это капитал, который можно преумножить, можно конвертировать во власть или деньги (чем и занимаются некоторые наши коллеги), а можно бездарно потратить. Обидно смотреть на то, как падает доверие граждан ко всем без исключения средствам массовой информации. Боюсь, если так пойдет и дальше, то цена нашей независимости будет столь мала, что защищать ее будет никому и незачем.

2. К сожалению, на конференции практически не обсуждался вопрос о том, что уровень независимости прессы (во всех ее трех измерениях) тесно связан с типом общественной системы, точнее – с типом управления общественной системой. Как известно, существуют два таких типа: приватизационное и мобилизационное управление обществом. В обществе, где господствует идея приватности, где все приватизировано, управление осуществляется в режиме саморегулирования. Независимая пресса может существовать только в таком обществе. Да и вообще, "независимость" как категория, как модель организации жизни может быть только в приватизированном обществе. Сама идея независимости возникла в то время, когда средний класс во Франции и в Англии начал приватизировать собственность. Тогда же появилась идея независимости печати. Потому что печать должна быть приватизированной, тогда она будет независимой. Так казалось в те далекие годы.

А есть мобилизационное общество, где все ресурсы непрерывно мобилизуются на решение задач выживания. Россия – в силу особенностей ее истории – всегда была обществом мобилизационного типа. Так что мобилизационная идеология, мобилизационная программа поведения встроены в общественное подсознание очень глубоко. Как только где-то что-то произойдет, немедленно

включаются мобилизационные импульсы и любая независимость кого бы то ни было отменяется во имя спасения родины, государства, экономики, чего-нибудь еще. К сожалению, у нас непрерывно что-нибудь происходит, и нас непрерывно мобилизуют на спасение чего-нибудь.

Пользуясь другой терминологией, мы вновь возвращаемся к идее взаимосвязи независимой прессы и гражданского общества. Большинство присутствующих едины в понимании того, что независимая пресса может существовать и развиваться только в гражданском обществе. Если же у нас квазигражданское общество, то мы имеем квазинезависимость прессы. В начальный период перестройки российская пресса взяла на себя функцию гражданского общества. Сто тысяч журналистов и примкнувших к ним господ сказали: "А мы и есть гражданское общество". И до тех пор, пока реальная власть была слабой, пока не было настоящего собственника, можно было думать, что у нас есть что-то вроде гражданского общества и что-то вроде независимости прессы. Теперь появился собственник, власть худо-бедно окрепла, а реального гражданского сектора нет. И мы немедленно рухнули в глубокую пропасть.

Следовательно, либо мы должны ликвидировать собственника – мечта коммунистов, либо иметь слабую власть – мечта олигархов, либо мы должны выращивать гражданское общество. Нет других вариантов. Невозможно вырастить независимую прессу, пока не будет сильного гражданского общества.

Однако я хотел бы обратить внимание коллег на то, что идеи мобилизационного управления в последнее время становятся весьма популярными в связи с представлениями о возникновении единого мирового хозяйства. Складывается ощущение, что в умах интеллектуальной и управленческой элит формируется парадигма мобилизационного миропонимания. Не на уровне отдельного государства, а на уровне некоего глобального мобилизационного управления. Наиболее ярко эти идеи были сформулированы в ныне подзабытых документах Римского клуба. Сейчас нас призывают объединиться на мировом уровне во имя решения экологических проблем. Важен не предмет, а то, что каждый раз речь идет о некоем всемирном кризисе и необходимости введения мобилизационного управления. А мобилизация несовместима с независимостью. И нам всем это надо очень ясно понять и сделать свой ответственный выбор.

3. Понятно, что идеи мирового хозяйства возникли не на пустом месте. Мир действительно становится единым, по крайней мере, в экономическом и информационном отношении. Развиваются интеграционные процессы в сфере культуры. Однако многие из нас все еще живут позавчерашними территориальными представлениями. Для нас главная из наук – география. Вот Тюмень, вот Красноярский край.

Максимум наших обобщений – Россия. Понятно, что Россия – большая страна, но Россия – это всего-навсего сегмент мирового хозяйства, мировой политики.

Перед нами выступал американский предприниматель сербского происхождения Милан Панич. Предприятия и организации, входящие в состав возглавляемой им фармацевтической корпорации, находятся в 34 городах 22 стран. Достаточно большие финансовые потоки росчерком пера перебрасываются из страны в страну. Сотни тысяч людей в той или иной степени имеют отношение к деятельности корпорации. В России этой корпорации принадлежат пять крупнейших фармацевтических заводов, расположенных в разных регионах. С учетом смежников и обслуживающего персонала это примерно 10 тысяч работников. На всех этих предприятиях вводится единый тип управления, единые, причем довольно жесткие, технологические требования. В сознании россиян, еще вчера тихо-мирно работавших на государственных предприятиях, встроенных в социалистическую плановую экономику, а теперь "вброшенных" в иную технологическую, управленческую и социальную культуру, происходят тектонические сдвиги. Говорю об этом со знанием дела, потому что по заказу этой корпорации мы проводили исследование социально-психологического климата на принадлежащих ей российских заводах.

И это не единичный случай. Есть транснациональная империя Макдональдса, расположившаяся в десятках стран, есть империи Фиата, Форда, Кока-Колы и т.д. Да, конечно, располагаясь в России, они подчиняются всем ее законам, платят все налоги и ведут себя как законопослушные граждане. И все-таки – где кончается Россия и начинается финансовая империя Сороса?

Уделяю этому так много внимания потому, что и нам, журналистам, исследователям прессы, пора менять привычные очки. Пора привыкать видеть мировые контексты за каждым частным случаем. И не только в плане анализа происходящих процессов, но и плане разработки и реализации проектов. Простой пример. Существуют национальные журналистские организации. Они иногда объединяются в некие наднациональные структуры. Российский журналист может быть членом Союза журналистов России и через него стать виртуальным членом какой-нибудь международной журналистской

организации, о которой он никогда ничего не узнает и от которой ему ни тепло, ни холодно. Мне известен лишь один пример мультинационального объединения: Ассоциация газет северных народов. Не знаю, чем она занимается и какова эффективность ее деятельности, но, возможно, это зародыш тех новых отношений, которые стучатся в нашу дверь. Понятно, что в этом контексте проблема независимости приобретает совсем другие очертания. Может быть, все это – проблемы не сегодняшнего дня, когда надо срочно выработать антикризисные меры и вывести прессу из того шока, в который ее ввергло разрушение банковской системы. Но мне кажется, что кризисы и шоки у нас были и будут каждый день. И чтобы не просто барахтаться в океане проблем, а плыть со знанием дела, надо хотя бы вчерне очертить контуры того, что впоследствии может стать надежной картой.

В заключение я хотел бы поблагодарить всех участников конференции, откликнувшихся на наш призыв встретиться и обсудить ситуацию с независимостью прессы в России.

Полагаю, у нас еще будет возможность вернуться к обсуждению проблем, связанных с независимостью российской прессы.

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ,

Генеральный директор Института гуманитарных коммуникаций